

Цзиньди боролась изо всех сил, но белый монах обнял ее сзади, крепко держа двумя руками и толкая длинный меч вперед.

"Я учу тебя".

сказал белый монах: "Я видел ненависть в твоих глазах, поэтому ты должна научиться отсекать ее. Твой хозяин - чудовище. Убив это чудовище, ты прервешь период времени, и твое сердце станет сильнее. Твой В его глазах все еще есть желание, он жаждет заниматься без прогресса? Убей его... убей его, и я возьму тебя на тренировку. "

"Отпусти... отпусти ее!"

Джиба зарычал, его глаза покраснели, но его уровень культивации был слишком низок, и вырваться было невозможно. Он смотрел, как длинный меч пронзает его сердце, и наблюдал, как Цзин Ди падает. Белый монах, очевидно, был слишком злым, и он не хотел убивать Джибу сразу, поэтому длинный меч двигался вперед очень медленно.

"Зеркальная бабочка!"

Джиба внезапно прекратил сопротивление и посмотрел на Цзиньди, громко крича: "Ты не унывай! Помни, даже если ты думаешь о том, что произошло сегодня, не будь болезненным. Даже если ты держишь в руке длинный меч, это не имеет к тебе никакого отношения. Возможно, для тебя это своего рода опыт и пытка, но я верю, что в будущем ты станешь сильнее. Ты спасешь свою мать, станешь настоящим практиком. "

"Ты смотри на меня!"

Джиба громко крикнул, прося Джингди посмотреть на себя: "Ты помни, независимо от того, будет ли твое достижение высоким или низким в будущем, ты не должна делать зло. Когда ты думаешь о том, чтобы сделать зло, подумай о своей руке сегодня. Я была испачкана кровью. Хотя я ничему тебя не научил, я твой учитель. Спустись с горы и найди даоса, который спасет тебя! "

Голос Цзин Ди был хриплым, а по щекам текли слезы. Но она ничего не могла сделать. Она могла только смотреть, как длинный меч постепенно приближается к Джиба, как кончик меча вонзается в грудь Джиба.

Джиба застонал, но успокоился: "Джинди, ты хорошая девочка.

Но ваше сердце ослеплено вашей ненавистью, поэтому вы не можете увидеть свой будущий облик. Есть на что надеяться тебе Прости меня, на самом деле, я не предшественник, и мое самосовершенствование тоже очень распространено. Я забираю тебя, просто потому что ты живешь слишком тяжело и слишком устал. Хотя у меня кончились деньги, я трачу свое время. Это на вашей совести, но я не жалею об этом. "

"Прости меня".

Рот Джибы очертила самая милосердная улыбка: "Я не обманываю вас злонамеренно. Прости себя, ты не сделал ничего плохого".

Меч вошел глубоко, а улыбка на лице белого монаха осталась: "Это конец? Я почти тронут тобой. Но какой смысл говорить это? В конце концов, он умер на твоих руках. Позже Каждую ночь, закрывая глаза, ты не смеешь спать, потому что, закрывая глаза, ты будешь думать о

сегодняшнем дне, о мече, о твоей руке, держащей меч, и о крови из его сердца. "

"Что!"

Слезы Зеркальной Бабочки заревели в его горле, и он упал в обморок.

"Смотри, ненависть может дать тебе силу".

Белый монах улынулся еще ярче: "Я почувствовал, что в твоём теле пробуждается сила, вот и все. После того, как ты последуешь за мной, я возьму тебя с собой, чтобы ты убивал все больше и больше людей. Разве у тебя еще нет товарищей под горой? Убей их, и твоя сила полностью пробудится. "

Меч продолжал двигаться вперед, и кровь стекала по ране.

От боли лицо Джибы исказилось, но он все еще кричал: "Зеркальная бабочка! Не слушай его глупости, я знаю, что у тебя в сердце добрые намерения!"

Пых!

Длинный меч пронзил.

Тело Джибы напряглось, на его лице застыло выражение.

Затем он посмотрел в сторону, и на его плече появилась рука, небрежно отводящая его в сторону. Позади него раздался голос длинного черного человека, немного ленивый и немного сердитый.

Ань Чжэн отодвинул Джибу в сторону и, прищурившись, посмотрел на белого монаха позади Цзиньди.

Три синие звезды в его левом глазу быстро вращались, и операция зрачков Тяньму и Шанье начала проявлять свою силу.

"Вызвать монстра".

Ань Чжэн поднял уголок рта и сказал: "Это все еще очень высокоранговый, бедный? Если я правильно помню, это должно быть имя. Ты под этой красивой кожей действительно уродлива и рвотна. Ты очень сильно нарисовал этот мешок с кожей. "

Цвет лица белого монаха явно изменился, но вскоре восстановился: "Неожиданно, но это действительно существует. Когда император рассказал мне об этом раньше, я все еще не верил, что в этом мире есть люди, которые могут видеть нас, даже меня. Я не верю в существование священной рыбы. Этот мир действительно интересен. Бог всегда устанавливает противоположности, а потом смотрит на убийство противоположных людей, кровь мертвых течет в реку, а Бог все еще смеется. "

Он перевернул длинный меч и пересек горло бабочки: "Но ты видишь меня насквозь, а что еще ты можешь сделать? Смотреть, как умирает эта маленькая девочка? Конечно, ее смерть для тебя - ничто. "

Ань Чжэн: "Никто не может умереть, кроме тебя".

Белый монах покачал головой: "Похоже, ты действительно не понимаешь меня, все здесь

умрут, но я не могу умереть один".

Его длинный меч был отведен назад, и лезвие прошелся по горлу Цзиньди: "Смотри, твоя роль была полностью выполнена. Если нет, как он мог покинуть даосский храм? Что-то в даосском храме вызвало у меня отвращение, отвращение. "

С треском, Зеркальная Бабочка, которая совсем не сопротивлялась, вдруг подняла руку и схватила меч за рукоять. Руки у нее красивые, белые и нежные, а пальцы длинные. Но в момент схватывания меча, по ее светлой ладони потекла кровь.

"Ты ... **** это!"

В глазах Цзиньди вспыхнул внезапный красный свет, и она тут же изменилась вслед за ней. Ее тело стало прозрачным и мгновенно исчезло. В следующую секунду белый монах вдруг застыл на мгновение, а затем его тело словно что-то зафиксировало, и он не мог пошевелиться.

"interesting....."

Он произнес три слова, затем поднял руку и положил свой длинный меч поперек шеи. Зеркальная бабочка, которая исчезла раньше, появилась позади него. Одна рука схватила руку белого монаха, другая толкнула его голову вперед, а затем рука, держащая меч, дернула.

С треском длинный меч перерубил шею белого монаха, и кровь хлынула фонтаном.

Белый монах упал навзничь, но выражение его лица было очень спокойным. Он упал на землю, поднял руку, чтобы прикрыть шею, и, казалось, хотел остановить вытекающую кровь. Но артерия была перерезана, и он не мог ее перекрыть. Однако, казалось, что ему совсем не больно, он просто лежал и смотрел на Цзиньди.

"Это весело?!"

внезапно задал он вопрос, а затем вскочил на ноги, смеясь и танцуя. Рана на его шее все еще кровоточила, но казалось, что у него нет никаких проблем. Он выглядел чрезвычайно счастливым, кашляя от смеха. Когда он кашлял, из кровеносных сосудов вытекало все больше крови, пачкая его монашескую одежду и обувь.

"Ха-ха-ха-ха, смейтесь надо мной".

У него был порез на шее, но он все еще мог говорить.

"Это весело, посмеяться надо мной. Как тебе моя игра? Думаешь, я умираю?"

Он подался вперед, раскинув руки: "Но я не умер, хахахаха... Мне отрезали мечом шею, я все еще истекаю кровью, но я не умер, хахахаха..."

Он резко встал, а затем перевернул мешок с нитками и начал вдевать нитку в иголку перед их лицом, а затем с некоторым трудом начал зашивать свою шею: "Это хлопотно, ты знаешь, что у меня такая кожа Нелегко? Это так долго..."

Он взглянул на Цзинди: "Через некоторое время я также порежу ее на твоей маленькой шейке".

Ань Чжэн не стал стрелять, потому что нашел что-то странное. Этот монах выглядит как

сумасшедший, но он никогда не будет сумасшедшим.

"Это так больно".

**** рука белого монаха сжимала иглу на его шее своими руками. Поскольку он не мог этого видеть, швы были неаккуратными.

Кожа на его шее была перекручена и вывернута, из-за чего он выглядел отвратительно. Он зашил ее, а затем, отложив швейный мешок в сторону, посмотрел вниз на свои руки: "Почему бы тебе не сделать это? Когда я зашивал шею, какой шанс убить меня".

"Это потому что, беспокоишься о других заговорах?"

Он вдруг снова засмеялся, улыбаясь вперед и назад, как будто только что рассказал особенно смешной анекдот, но человек, слушающий этот анекдот, не смеялся, но он не мог не смеяться. Он смеялся так сильно, что рана, только что зашитая на его шее, снова разошлась, и кровь, казалось, брызнула наружу, как из водяного пистолета.

"Хахахахахаха..."

Он смеялся задыхаясь, "У меня действительно есть заговор, ты... ха-ха-ха-ха, никто не видит".

Он внезапно встал прямо, а затем указал на беспокойство позади них: "Смотрите, это мой заговор. Я человек, который говорит и говорит, эта гора умрет, но я один не умру, ха-ха-ха. "

Джиба резко повернулся и посмотрел вниз с горы, и увидел, как появилось несколько одинаковых монахов белого цвета, каждый из которых нес двух своих учеников, и на телах учеников была кровь. Очевидно, они еще не были мертвы, но все, похоже, были ранены. Белые монахи шли во весь рост, а ученики стонали всю дорогу.

Белый монах, стоявший перед Аньчжэном, с улыбкой упал на землю, шлепая по ней руками: "Это смешно... Хахахаха, вы видите кровь, текущую из моей шеи? Это вовсе не моя Хахахахахаха ... Вы идиоты, меня развернули фокусы. "

Он выпрямился, потянул за нитку на шее, и когда он потянул, кровь хлынула наружу. Вдалеке белый монах бросил ученика, который лежал на земле, и пробил дыру в его сердце. Как только он потянул за нить на шее, сердце ученика начало истекать кровью.

"Хахахахахаха... Нет, нет, нет, я буду смеяться до смерти... Кашель-кашель-кашель... Так кроваво, разве это не весело?".

Он вдруг перестал смеяться и сидел, глядя на Аньчжэна: "Думаешь, это весело? Если тебе тоже весело, то улыбнись, если не смеешься... Я начну убивать".

Тон внезапно стал холодным, и вся гора, казалось, мгновенно окуталась снегом и льдом.

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2192261>